

ББК Ш10
УДК 81'1

Любовь Борисовна Парубченко,
доктор филологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия),
e-mail: lbpar@mail.ru

**Язык научно-методических публикаций 20-х гг. XX в.
(на материале журнала «Родной язык в школе»)**

Двадцатые годы XX в. являются переломными не только в российской истории, но и в культуре и образовании России. Перемены в социально-политической жизни всегда сопровождаются новыми явлениями в языке. Содержание статьи составляют наблюдения над языком научно-методических публикаций одного из самых ярких журналов в истории науки и образования России – журнала «Родной язык в школе», мало изученного и недостаточно представленного в современных научно-методических публикациях. Журнал был основан в 1914 г. А. М. Лебедевым, пережил революцию и отразил в своих публикациях новый язык нового времени: грубоватость стиля, политические термины и большевистскую риторику, а также понятия, связанные с новым, марксистским подходом к обучению школьников. Лексикон журнала пополнили и псевдонаучные теории: «новое учение о языке» Н. Я. Марра, вульгарно-социологический метод в литературоведении и др.

Ключевые слова: «Родной язык в школе», 20-е годы XX века, политизация, идеологизированный язык, вульгарный социологизм, снятие личностного начала.

Lyubov Borisovna Parubchenko
Doctor of Philology, Associate professor
Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: lbpar@mail.ru

**The Language of the Scholarly Papers Published in the 20s
of the 20th c. (based on the issues of “Native Language at School”)**

The 1920s of the 20th c. are considered to be crucial not only by the Russian history, but the culture and education in Russia. Social and political changes are always accompanied by new linguistic phenomena. The content of the given paper includes some linguistic observations made while analyzing the journal “Native Language at School” whose issues present the brightest pages of science and education development in Russia, although they have not been thoroughly studied yet. The journal was established in 1914 by A. M. Lebedev, survived the Revolution and managed to reflect a new language of a new age: rough style, political terminology and Bolsheviks’ rhetoric as well as the notions of a new Marxist approach to school education. The journal lexicon was enlarged by some pseudo scientific theories: “a new linguistic study” by N.Ya. Marr, a vulgar socialist method in literary criticism, etc.

Keywords: “Native Language at School”, the 1920s of the 20th c., politization, ideological language, vulgar socialism, avoiding individual approach.

Журнал «Родной язык в школе» был основан в 1914 г. на собственные средства замечательным ученым-педагогом Алексеем Матвеевичем Лебедевым (1881–1953). До 1918 г. редакция располагалась в мужской гимназии г. Ярославля, но журнал скоро привлёк к себе внимание и с 1918 г. стал издаваться в Москве. В 20-е гг. XX в. это было уникальное издание, в нём печатались крупнейшие лингвисты и литературоведы: А. М. Пешковский, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Л. А. Булаховский, М. Н. Петерсон, А. В. Артюшков, С. И. Абакумов, А. В. Миртов, В. А. Малаховский, А. Н. Гвоздев, И. П. Лысков, Г. Н. Поспелов, С. И. Дмитриев, И. П. Плотников и др., методисты: П. О. Афанасьев, Н. С. Рождественский,

© Л. Б. Парубченко, 2012

А. М. Смирнов, Н. М. Соколов, А. В. Текучёв, М. А. Рыбникова, С. А. Золотарев, В. В. Голубков, В. С. Габо, В. К. Сержников, А. И. Павлович и другие.

В 20-е гг. «Родной язык в школе» был на гребне научных и школьных проблем. Только этот журнал, единственный среди множества современных ему, подробнейшим образом осветил Первый Всероссийский съезд учителей русского языка 1916/17 г.: публиковал доклады или их подробные рефераты, излагал дискуссии по поводу докладов, в том числе и те, которые выплеснулись на страницы других журналов и газет. Так как труды съезда, в силу социально-политических условий, не были изданы, публи-

кации журнала «Родной язык в школе» наряду с брошюрой тезисов докладов до сих пор являются единственными свидетельствами о съезде. Журнал опубликовал первую, послесъездовскую школьную программу по русскому языку [30], авторами которой были Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон, Н. М. Соколов, положившую в основу научную, фортуноватскую грамматическую теорию, и последующие редакции этой программы.

После этого пошла череда школьных учебников, написанных лучшими отечественными учеными: А. М. Пешковским, Д. Н. Ушаковым, С. И. Карцевским, Н. Н. Дурново, А. В. Миртовым, В. А. Малаховским, Л. А. Булаховским, С. И. Абакумовым, А. Б. Шапиро, М. Н. Петерсоном и др. – учебники несли в школу новую, формально-грамматическую теорию, журнал был ареной научных дискуссий по поводу отражённых в учебниках теоретических идей их авторов, и в этих дискуссиях развивалась и оттачивалась сама фортуноватская теория. Именно этот журнал опубликовал первую, каноническую статью МФШ [1]. Новое научное содержание школьной грамматики требовало новой методологии и методики: журнал 20-х гг. – кладовая методических идей и педагогических открытий.

Яркая черта журнала – злободневность. Он не только откликался статьями на новые идеи в науке и методике, но и вёл литературную хронику, публиковал отзывы о книгах (в журнале был раздел «Книги, поступившие в редакцию»), отдельно – раздел «Новости учебной и научной литературы», где публиковались аннотации и рефераты интересных статей из других журналов. С 1930 г. журнал заводит раздел «Книжная полка», где публикует списки вышедшей научной (литературоведение и языкознание) и учебно-методической литературы. Анализ истории журнала «Родной язык в школе» и его роли для отечественной науки и школы – задача большого научного исследования.

Вместе с тем журнал 20-х гг. – историческое свидетельство переломной эпохи. Показательна история смены редакций и названий журнала. С № 7 1925 г. соредактором А. М. Лебедева становится В. Ф. Переверзев, литературовед вульгарно-социологического направления. С 1928 г. в редакционной коллегии А. М. Лебедева уже нет, отв. редактор И. Н. Кубиков (по отделу литературы), А. М. Пешковский (по отделу языка). Сам журнал в соответствии с новой концепцией единой трудовой школы (об этом ниже) переименован: теперь это «Родной язык и литература в трудовой школе». В 1929 г. в связи с отменой «единой трудовой» школы журнал переименовывается в «Русский язык в советской школе», отв. редактор П. И. Лебедев-Полянский. В 1932 г. журнал называется «Литература и

язык в политехнической школе», отв. редактор Ф. М. Головенченко; В 1934 г. – «Русский язык и литература в средней школе», отв. редактор С. А. Каменев. В 1936 журнал распался на два: «Русский язык в школе» и «Литература в школе», в этом виде он существует до сих пор.

Большевики хорошо понимали роль школы в воспитании преданных режиму граждан и сразу же взяли дело обучения и воспитания в свои руки. Школа, которая в просвещённом государстве должна быть вне политики, в стране советов была объявлена орудием политики. На знаменитом III Всероссийском съезде РКСМ (4 октября 1920 г.), где Ленин призвал молодёжь «учиться, учиться и ещё раз учиться», он заявил: *«Я постараюсь ответить и на вопрос, как нужно учиться: только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания, обучения и образования неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплуататоров»*. [Цит. по: 29, с. 15. Выделено мной – Л. П.]

Одним из главных деятелей по преобразованию школы в указанном партией направлении была Н. К. Крупская. В 1917 г. она составляет проект программы партии по народному образованию, после Октябрьской революции становится членом коллегии Наркомпроса, руководит внешней работой, организует Главполитпросвет, является председателем научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУСа). Под руководством Н. К. Крупской в 1922 г. стали разрабатываться новые школьные программы, которые должны были отвечать политическим требованиям правящей партии. Эти программы получили название комплексных.

В 1922 г., в № 2 журнала «На путях к новой школе», который был органом научно-педагогической секции ГУСа, Н. К. Крупская опубликовала статью «К вопросу о программах», где критиковала старые программы, с обычным для большевиков враньем: «Старые программы школы начальной в прежние времена составлялись с расчётом, что рабочему и крестьянину много знать не для чего, что не его дело организовывать производство, его дело – быть усердным, аккуратным, умелым исполнителем. Программы школ второй ступени писались для привилегированных классов, которым – по старым обычаям – трудиться придётся мало, которые имеют свободного времени видимо-невидимо и могут наполнять его изучением древних языков и всяких других предметов, с живой действительностью не связываемых» [5, с. 5]. В 1924 г. вышли «Новые программы единой трудовой школы». Методическое письмо к ним было подписано председателем научно-педагогической секции ГУСа Н. Крупской, зав. Главсоцвосом О. Бем, зав. отделом единой школы А. Толстовым. Здесь

была заявлена новая, большевистская концепция школьного обучения. Прежде всего, школа была переименована в *единую трудовую*. Почему *трудова*? – «...Не только потому, что преподавание в ней ведётся при помощи трудового метода, не только потому, что труд входит непрерывной составной частью в школьную жизнь, но также и потому, что труд, трудовая деятельность людей должна являться той жизненной осью, вокруг которой должна вращаться вся школьная программа» [11, с. 3].

В трудовую деятельность детей включалось и школьное самоуправление: «Такой характер работы школы, какой нарисован выше, и существование самих задач, стоящих перед школой, – всё это требует того, чтобы дети привыкали к *организованному коллективному труду*. Поэтому очень важно дать в школе должное место детскому самоуправлению и важно при этом втягивание детей в *планирование своей работы и её учёта*». [29, с. 15–16. Выделение источника]

Почему единая? – Потому что «в основу программы как первой, так и второй ступени кладётся изучение трудовой деятельности людей. Этим создаётся та внутренняя связь между темами отдельных бесед, между различными предметами, которая так необходима, так осмысливает всё преподавание» [11, с. 4]. Как осуществлялся этот принцип единой трудовой школы? – Предметы преподавания были заменены комплексами. Работа школы была организована по трём циклам: 1. *Природа и человек*; 2. *Труд*; 3. *Общество*. Содержание учебы разделялось ещё по сезонам: осенне-зимний триместр, зимне-весенний триместр, весенне-летний триместр. И по темам: Октябрьская революция, Зимние революционные праздники, Приближение весны и т. д. Комплексные программы связали обучение с производством. Поскольку производственная жизнь в городе и деревне разная, то разными были и программы для школ: городских и деревенских. Вот фрагмент программы деревенской школы 2 года I ступени зимне-весеннего триместра [29, с. 30].

3. Домашние животные

<i>Природа и человек</i>	<i>Труд</i>	<i>Общество</i>
Жизнь и строение домашних животных. Корова и теленок. Мелкий рогатый скот в сравнении с коровой. Лошадь – рабочее животное. Свинья – мясное животное. Разведение кроликов. Кошка – хищное животное. Собака, её служба в доме. Зарисовка домашних животных. Чтение соответствующего литературного материала и усвоение соответствующих песен и стихов.	Помощь в уходе за домашними животными. Участие в обработке молока и получение из него разных продуктов. Подсчёт удоя коровы и козы. Подсчёт корма домашних животных. Умножение в пределах 1000.	Экскурсии по мере возможности (молочная ферма, племсовхоз, кожевенный завод). Добывающая и обрабатывающая деятельность человека (на примере). Что такое фабрика и завод? Город как промышленный центр. Рассказы о городе и городской жизни. Количество деревенского скота (подсчёт и сравнение). Наёмный труд в деревне. Классовый состав в деревне: бедняк, середняк, кулак. Коллективные письменные работы на вышеозначенные темы с иллюстрациями

Обращает на себя внимание отсутствие в Программе систематического подхода к изучению русского языка и математики. Это оговаривалось особо: «Усвоение навыков речи, письма, чтения, счёта и измерения должно быть теснейшим образом слито с изучением реальных явлений, – и не должно быть в школе арифметики и русского языка как отдельных предметов» [29, с. 14].

Программа Н. К. Крупской была идеалистичной и утопичной: в её осуществлении должны были участвовать самые широкие круги ответственности: «Наркомпрос вырабатывает общую программу. Места определяют – соответственно району – тот материал, который подлежит изучению, обследованию учителями и учениками. Было бы чрезвычайно важно устроить ряд учительских съездов по производственным районам, с представителями исполкомов, местных земотделов, отделов ВСНХ, здравотделов, представителей с. х. опытных станций, промыш-

ленных предприятий и пр. и обсудить производственный материал, который необходимо проработать в школе. <...> Как это сделать, и должны намечать учительские съезды производственных районов» [11, с. 6]. «Придётся работать каждому [учителю] самостоятельно, придётся обратить особое внимание на коллективную работу, организовывать кружки для проработки материала, придётся устраивать конференции, совещания. Губ. и УОНО должны всячески содействовать этой работе. Будет содействовать ей и союз работников просвещения. Должны помогать педагогические вузы и педтехникумы. Каждый должен сделать что может» [29, с. 17].

Следствием установки школьных программ на производство было внимание к краеведению. Но при этом: «Не памятники старины, не архитектурные стили построек, не фольклор должны составлять стержневую ось школьного краеведения. Такой осью должна быть трудовая деятельность людей и её организация» [29, с. 19].

Как видим, большевистская программа имеет коренное отличие от программ дореволюционной школы. В старых программах и трудах ученые говорили о развитии духа учащегося – через ознакомление с литературой и языком, с историей России, с историей культуры (Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, К. Д. Ушинский, В. В. Розанов и др.). В большевистских программах историю культуры поменяли на историю средств производства. Духовное сменилось материальным: «материя первична, сознание вторично».

Комплексные программы действовали до 1928 г., когда под влиянием роста безграмотности, безуспешности обучения чтению методом целых слов, невозможности поднять на школьное дело широкую общественность, отсутствия научной разработки межпредметных связей и др. они были заменены более реалистичными. Однако политизация и идеологизация школы не была отменена, она росла вместе с усилением политической диктатуры. Свидетельством тому является язык публикаций журнала «Родной язык в школе».

Прежде всего бросается в глаза композиционная особенность рецензий 20-х гг.: отрицательное даётся в начале, и много; положительное – немного, и в самом конце. Другая особенность – нигилистическое отношение к наследию. Так, в статье о краеведении автор содержательно пишет об изучении истории, этнографии и топонимии родного села. Но в конце – шаблонная фраза, характеризующая отношение к традиции: «Молодое поколение решительно становится на сторону новых веяний, а старое, ворча и негодуя, сходит со сцены, теряет почву» [12, с. 179].

Культурный язык первых сборников журнала сменяется языком улицы. Ю. Либединский пишет: «Возьмите Николая Ростова. Что это за тип? Оценим его объективно: тип *сволочного помещика*. Вначале помещичий сынок, а потом (говоря нашей терминологией) *белогвардеец*. Его бы в расход пустили в два счёта. Он бьёт мужиков по зубам и разбивает кольцо о морду своего холопа». [Цит. по: 36. 1926. № 11–12. С. 93–94]. Не церемонится даже образованный Луначарский: «В группе Маяковского имеются несколько поэтов с крупными талантами – Асеев, Третьяков. Всем им, по-видимому, трудновато дается их новая дорога. Богатство сюжетов, сила чувства, которые принесла с собой революция, плохо вкладываются в ту изошренность, которую они приобрели раньше в качестве *последышей буржуазной культуры*». [Цит. по: 36. 1926. № 11–12. С. 92. Курсив в цитатах мой – Л. П.]

Другая особенность – **«фронтная» и политическая лексика в названиях учебных пособий**: Кременский Н., Мамонов В., Феддерс Г.

Путь борьбы. Рабочая книга по литературе. М., 1927. [Цит. по: 36. 1927. № 1. С. 367]; Петрова Е. *Рабочий класс в борьбе*. М., 1926 [Цит. по: 36. 1926. № 9. С. 367]; Войтоловский Л. *Героизм революции (Парижская Коммуна – Октябрь)*. Историко-литературная хрестоматия XIX и XX вв. М., 1924. [Цит. по: 36. 1927. № 1. С. 204]; Петрова Е. *Пролетаризация деревни и крестьянские восстания*. (Б/г, б/м) [Цит. по: 36. 1926. № 9. С. 367]; *Хрестоматия по истории первой русской революции*. Под ред. Калашникова. М., 1925. [Цит. по: 36. 1926. № 11–12. С. 204]; *Серп и молот*. Книга для чтения в труд. школе. Первый год II ступ. Сост. Ефремин, Игнатъев и др. 2 изд. М.–Л., 1925 [1926/11–12: 297]. Решения съездов словесников именуется резолюциями.

Однако **20-е годы – не только мир борьбы, но и созидательного труда**: Гусева А. В стране свободного труда. Рабочая книга для городских школ малограмотных. Под ред. Д. Бондарева и Л. Фрид [Цит. по: 36. 1927. № 1. С. 367]; Петрова Е. *Крестьянский труд в пореформенной деревне*. (Б/г, б/м) [Цит. по: 36. 1927 № 1. С.: 367]; Курская А. и Розанова А. *Мы строим новый мир. Хрестоматия для чтения и работы в кружках полуграмоты и для самообразования*. М., 1927 [Цит. по: 36. 1927. № 1. С. 367]; *Своими силами*. Рабочая книга для старш. кл. I ступ. Ч. I. Вып. I. Л., 1925. *От станка к книге*. Ч. I. Под ред. А. Пешковского. М., 1925. и др.

Важно отметить, что это названия пособий не по истории, а по русскому языку: это хрестоматии, которые содержали языковой материал для упражнений, в соответствии с методологической установкой на наблюдения над языком: изучаться в школе должен не учебник грамматики, а живой язык – это провозглашала программа по русскому языку, разработанная Д. Н. Ушаковым, М. Н. Петерсоном и Н. М. Соколовым [30], написанная в соответствии с резолюциями Первого Всероссийского съезда учителей русского языка 1916/17 г. (см. об этом: [24]). Однако жёсткое партийное руководство школой обрекло её на политизацию всего школьного материала, включая математику [13].

В школьный обиход входят **новые, актуальные для времени жанры работ по развитию речи**: сочинение лозунгов, газетных заголовков; составление докладов: отчётных, ревизорских, академических, литературных, докладов-проектов [35; 19, с. 22–24, 77–79]; агитационных пропагандистских выступлений [21, с. 52–62]; конспектирование политических статей [22].

Черта времени – **плакатный стиль**, в том числе в названии учебного пособия: *«Долой неграмотность*. Материалы для занятий после букваря. Изд В. Ч. К. по ликвидации безграмот-

ности» [Цит. по: 36. 1919–1922 № 1(2), 1923. С. 1923: 172]. *Прочитай и расскажи*. Подвижная хрестоматия для чтения и рассказывания в младших группах школы I ступени. М., 1926 [Цит. по: 36. 1927. № 1. С. 367]

Широко распространено слово красный. В названиях хрестоматий: «*Красная Новь*. Хрест. для труд. школы» [Цит. по: 36. 1926. № 11–12. С. 297]; «*Красное слово*. Книга для чтения по русскому языку в трудовых школах Украины (на русском языке)». 5-й год обучения. Сост. И. Антонов и В. Родионов. (б/м), 1926 [Цит. по: 36. 1927. № 1. С. 367]; *На красных путях*. 1-я книга для транспортника (авторы Колодная А. и Голант Е.). 1926. [Цит. по: 36. 1927. № 1. С. 367], «*Красная звезда*, вторая рабочая книга по русскому языку для татарских и башкирских школ». Изд. 2. Казань, 1930. Журналов: «*Красная молодежь*» [Цит. по: 36. 1926. № 11–12. С. 91]. Букварей: «*Красное детство*. Русский букварь». [Цит. по: 36. 1919–1922. № 1(2) – 1923. С. 172]; «*Красный пахарь*. Деревенский букварь для взрослых». [Цит. по: 36. 1927. № 7. С. 350]. Издательства: *Красный мир* (Кострома), *Красная книга* (Орел), *Красная новь* (Москва) и др. **На втором месте – новый.** В названиях книг: Полтавский С. *Новому ребёнку – новая сказка*. Эюд для родителей и воспитателей. Саратов, 1919 [Цит. по: 36. 1919–1922. № 1(2) – Цит. по: 36. 1923. С. 1923: 172]; Голант В. и Соловьев В.; *На новых путях*. Рабочая книга для сельских школ и малограмотных Северо-Западной области. [1927/1: 367]; Курская А. и Розанова А. Мы строим *новый мир*. Хрестоматия для чтения и работы в школах и кружках политграмоты и для самообразования. [Цит. по: 36. 1927. № 1. С. 367]. Изд-во: Новая Москва [Цит. по: 36. 1927. № 1. С. 368].

Двадцатые – это начало распространения в науке и образовании **вульгарно-социологического метода**. Его теоретики, марксистские философы, историки и литературоведы А. Богданов, М. Покровский, В. Фриче, В. Шулятиков, А. Деборин, В. Переверзев и др. рассматривали произведения культуры и науки в связи с развитием средств производства, материальными условиями жизни и классовой принадлежностью их создателей. История России была переписана заново. Духовная жизнь России была устранена из истории, исторические события подавались как результат действия материальных, производственных, а также социально-классовых обстоятельств.

Переосмысливалась и школьная программа. Вот как толкуется теперь творчество М. Ю. Лермонтова: «Либеральные и противокрепостнические сцены в его драмах можно было бы поставить в более широкую связь с быстрым подъёмом промышленности в 30-е годы, падени-

ем крепостного хозяйства и ростом торгового и промышленного капитала» [6, с. 197]. Восстание декабристов, изменение политических взглядов Пушкина ставились в зависимость от цен на хлеб. Толстой выражает взгляды патриархального крестьянства, Пушкин – мелкопоместного капитализирующегося дворянства, Гоголь – мелкопоместного консервативного дворянства. Крупнейшим событиям русской истории давались вульгарно-социологические, упрощённые, зачастую оценочные толкования. Вот фрагмент словарной статьи из «Малой советской энциклопедии» об Отечественной войне 1912 года.

«Отечественная» (кавычки! – Л. П.) война, русское *националистическое* название войны, происходившей в 1812 между Россией, с одной стороны, и Францией (в союзе с Пруссией и Австрией), с другой. <...> Грандиозность задуманного Наполеоном плана превосходила технические возможности того времени: русское бездорожье, огромные переходы и полная невозможность организовать продовольственное снабжение быстро привели «Большую армию» к разложению и *мародерству*; *последнее и было причиной развития партизанской войны: вооружённые чем попало крестьяне, защищая от французов своё имущество, легко справлялись с разрозненными и голодными франц. отрядами*. Отсюда и берёт начало т. н. (sic! – Л. П.) народная война 1812, из-за которой вся война получила *пышное название «Отечественной»: дело тут было не в подъёме патриотического «духа»* (кавычки! – Л. П.), но в защите крестьянами своего имущества [17, с. 186–187].

О Смутном времени «Смута» – название крупнейшей *крестьянской революции* нач. XVII в., принятое гл. обр. в *дворянской и буржуазной* историч. литературе. Термин «С. в.» возник в указанный период в *контрреволюционных* кругах и заключает отрицательную оценку *револ. движения*» [18, с. 63].

О Минине: «*Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую «матушку-Россию»* и пыталась сделать из него нац. героя» [16, с. 229]. О Пожарском: «Князь, деятель т. н. Смутного времени, выступивший представителем дворянства («служилых людей») и ставший во главе ополчения, организованного *мясником* Мининым-Сухоруковым на деньги богатого купечества. Это ополчение *покончило с крестьянской революцией* и освободило Москву (1612) от захвативших её поляков, после чего собрался в 1613 земский собор, избравший на царство первого Романова – Михаила. В царствование последнего П. получил ряд крупных земельных пожалований и назначение новгородским воеводой (1628), а в 1636 – начальником Московского судного приказа» [17, с. 651–652. Курсив в цитатах мой – Л. П.] – Намек

на то, что Пожарский действовал как бы не бескорыстно, но при этом ни слова о том, что Михаил Романов был поставлен на царство после отказа от царского престола Пожарского: первое предложение было сделано ему!

В духовном искали материальную основу буквально. А. Ф. Лосев вспоминает: «Э. К. Розенов <...> доказывал, что музыка есть «соляной» раствор студенистых белков, то есть на три четверти вода. <...> С. Л. Толстой (сын Льва Толстого), большой знаток музыкальной этнографии, «всерьёз доказывал, что музыка – это не что иное, как биологическая борьба за существование животных видов, причём иной раз доказывал это своими записями каких-то узбекских или таджикских народных песен. <...> Кто-то, не помню, уверял в те времена в консерватории, что две темы сонатного аллегро есть изображение борьбы капиталистов и пролетариата. <...> Один известный в те времена теоретик музыки, Б. Л. Яворский, проповедовал теорию так называемого «ладового тяготения» в музыке, причём тут же исступлённо доказывал, что это есть новизна всемирного тяготения» [14, с. 183].

Вульгарный социологизм, поддерживаемый официальной политикой, уничтожал культуру: «В те пролеткультовские времена то и дело выступали теоретики музыки, требовавшие категорического запрета исполнять Чайковского якобы из-за его мещанства и нытья, Римского-Корсакова – за его либеральное народничество, Мусоргского – за его старомосковское мракобесие, Танеева – за академизм, Глинку – за его романтизм и монархизм, Скрябина – за мистицизм, Листа – за пустую и дешёвую виртуозность, Рахманинова и Глазунова – за эмигрантство, Вагнера – за фашизм, Шопена – за салонщину» [14, с. 186].

В языковедении вульгарно-социологический подход нашёл выражение в «новом учении о языке» акад. Н. Я. Марра. В публикациях 20-х гг. он выступил против сравнительно-исторического языкознания и доказывал единство происхождения всех языков из процессов производства, а их эволюцию ставил в зависимость от смены социально-экономических формаций.

На страницах журнала появляются статьи новой тематики: Митягин К. *С. Метод экономического материализма и его применение в истории литературы* [Цит. по: 36. 1923. № 3]; Келтуяла В. А. *Основы историко-материалистического подхода к изучению литературного произведения* [Цит. по: 36. 1924. № 6]; Сердюченко Г. П. *Обучение грамоте на рефлексологической основе* [Цит. по: 36. 1927. № 4]; Благой Д. *«Евгений Онегин» Пушкина (опыт социологического анализа)* [Цит. по: 36. 1927. № 5, 6]; Данилов Г. К. *Марксистский метод в лексикологии* [Цит. по: 36. 1929. № 6]; Т. Алёшина *«Свидание»*

Тургенева и «Егеря» Чехова (влияние классовых особенностей на разработку тождественного сюжета) [Цит. по: 36. 1927. № 1] и др.

Переписывалась история русской литературы: Книга «не претендует на исчерпывающую научную историю литературы, она является только пособием для изучения отражения в литературе классовой борьбы, подготовительной ступенью для чтения самих литературных произведений» [15, с. 197]. Один автор предлагал «сравнить стили Есенина и Казина в связи с классовой принадлежностью авторов» [26, с. 187]; другой одобрительно отзывался о выставке преподавательницы: «Оригинально выбрана и проведена здесь проработка «Бедной Лизы» Карамзина, давшей большой материал прежде всего для выяснения классовых соотношений, а также для работы над стилем автора и над жизнью языка» [9, с. 175]; третий указывал на недостаток книги: «...Анализ языка и творчества детей идёт почти без всякой связи с анализом социальной среды, в которой ребёнок живет. <...> В центре книги проф. Соловьева анализ творчества Гали Б-ц (в периоде 11–13 с половиной лет), а между тем мы ничего не знаем, кто были её родители, чем они занимались, какого были материального достатка и т. д.» [2, с. 342. Курсив в цитатах мой – Л. П.].

Методика преподавания литературы в школе обогащается не только за счет педагогики, но и «за счёт жизни»: в школу в качестве методического приема приносятся методы социально-политической работы с населением. Так, в Ленинградском обществе изучения преподавания языка и словесности на заседании русской секции 15 декабря 1925 г. был прочитан доклад Краснова «Анкета при изучении литературы». Автор, отмечая достоинства «анкетного» метода, привёл в качестве иллюстрации анкету «на Раскольниково»:

«1) Имя, отчество, фамилия, 2) возраст, 3) национальность, 4) сословное положение, 5) имущественное положение, 6) психическое и физическое состояние, 7) средства к жизни, 8) семейное положение, 9) занятие, 10) особые приметы, 11) образовательный ценз, 12) основные черты характера, 13) политическая окраска, 14) печатные труды, 15) общее мировоззрение, 16) религиозные убеждения, 17) самооценка, 18) отношение к родине, 19) отношение к другу, 20) отношение к Соне, 21) причины преступления, 22) причины, приведшие к признанию, 23) отношение к жизни и к смерти» [31, с. 251].

При этом главным в такой работе является не знание литературы, а умение составлять анкету! Так, один автор советует «не зубрить биографию Пушкина, а составить анкету о жизни Пушкина». При этом «учащийся получает не чисто отвлеченное знание биографии, а навык,

метод работы. Он может забыть даты, факты, он может забыть всю биографию – и пусть! Но останется привычка, прочный условный рефлекс» [Цит. по: 36. 1926. № 4. С. 177].

На уроки литературы пришли *литературные суды* над персонажами, статью против этого приёма журнал напечатал «в порядке обсуждения» [8].

Наиболее убеждённым автором вульгарно-социологического направления в журнале был В. В. Данилов. Вот названия некоторых его статей: «Недоросль» в свете классового самосознания дворянства второй половины XVIII века [Цит. по: 36. 1924. № 6]; «Отцы и дети» Тургенева как социально-экономический момент» [Цит. по: 36. 1925. № 8]; «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и кризис средневоянского владения после 1861 года [Цит. по: 36. 1926. № 9]; «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова и социальная идеология автора [Цит. по: 36. 1927. № 1]; «Классовая обусловленность «Повестей Белкина» Пушкина [Цит. по: 36. 1927. № 3] и др.

Марксист В. В. Данилов предьявлял обвинения Д. Н. Ушакову при обсуждении новой программы по русскому языку, сменившей в 1928 г. комплексные (Д. Н. Ушаков руководил работой над программой): «Составители прошли мимо марксистского анализа языка (программы отстали в этом смысле на целое столетие) и *стоят на идеалистической позиции, глядя на язык как на организм саморазвивающийся*. <...> Опыт работы по языку в 5-м классе показывает, что дети могут воспринять язык как *систему условных рефлексов. Классовый характер языка должен быть усвоен учащимися*» [10, с. 138. Курсив мой – Л. П.]. Д. Н. Ушаков отвечал с присущим ему достоинством и остроумием: «Тов. Данилову я отвечаю пожеланием, чтобы он и другие марксисты поскорее дали материал, из которого школа могла бы отобрать пригодное ей для марксистского анализа языка» [10, с. 147].

Идеологическое ищут в самом языке: «Если и в грамматике мы сумели показать отражение борьбы двух миров и эволюцию языка от служения барам к служению массам, то и она станет такой же интересной, как всё живое и необходимое массам, покоряемое ими. <...> Упрямое, гордое слово «пальто». Почему оно не склоняется? И почему народ заставляет его склоняться? Вот два творительных: *гречневою кашей и гречневой кашей*. Одинакова ли судьба этих форм? Которая из них выживет и почему? <...> Вот формы: *лекторы и лектора*. Которая из них выживет? <...> Откуда наши отчества? Откуда наши фамилии? Имена? Почему один Петр стал Петькой, а другой Петром Семеновичем? <...> Нет ли связей между правописанием, революцией и контрреволюцией? Какую роль играет старое правописание?» [34, с. 284–286]. Политические

ярлыки проникают даже в специальную терминологию: «*Лингвистические лишения* (К вопросу о междометии)» [32, с. 52].

Двадцатые годы – время формирования большевиками *нового человека*. Важнейшая задача этого процесса – **снятие личностного начала**. Человек – не особь, не индивидуальность, он представитель определённого класса, его место – в определённой графе классификации: «В ряде характеристик мы не находим даже попытки осветить классовую сущность того или иного писателя, вскрыть социальную значимость его произведений. <...> Механическое распределение писателей по алфавиту, вместо четкого расположения по классовым линиям, по литературным группировкам, ступёвывает социально-классовые противоречия современной литературы» [28, с. 186–187].

Обучение тоже связывается не с личностью, не с индивидуальностью, а с потоком, конвейером. «Единица – вздор, единица – ноль» (Маяковский), поэтому популярным становится слово *массы: широкие массы читателей, учительская масса* и т. п. «Наша задача – повышение общего среднего уровня, и вся группа, класс в целом, важнее единицы в таких частных случаях» [5, с. 151]. Публикации 20-х гг. проповедают коллективизм, иногда своеобразно понимаемый: «Старая школа не признавала коллективных сочинений, как не признавала и вообще коллективной работы и тем менее коллективной ответственности учащихся. Каждый отвечал только за себя; одинаково преследовалось как товарищеское стремление оказать помощь (подсказывание, показ), так и желание эту помощь получить (спрашивание, заглядывание в тетрадь к товарищу и т. п.). Такой порядок вполне соответствовал целям и задачам прежней (да и современной) буржуазной школы» [35, с. 185].

Из образования изгоняется его человеческое, духовное содержание: обучаемый теперь «колесико и винтик одного-единного социал-демократического механизма» (В. Ленин), орудие социально-политических преобразований – «гвозди бы делать из этих людей...» (Н. Тихонов). Соответственно говорят уже не о методике, а о *технологии* обучения и научных построений: Винокур Г. Культура языка. Очерки лингвистической *технологии*. М., 1925. В употребление входит производственная терминология. Сборники упражнений называются *рабочими книгами*. Задания (упражнения) в учебнике А. М. Пешковского именуется *Работой*. В методику вводятся новые понятия: «...*Новые формы учёта* <...> необходимо искать в самой *работе*, в самом *производстве*. <...> Мы найдём такие формы в установлении соотношений между *коллективной выработкой* и *выработкой индивидуальной*. Необходимо тут именно известный стандарт,

известный наглядный выразитель соотношений между *затратой силы и результатом*» [4, с. 203]. Ср. также: «*формовка* навыков учащихся» [4, с. 201]. Сами успехи в сочинении отмечаются автором при помощи *кривых, диаграмм* и т. д. Перед традиционными формами работы на уроке ставятся новые задачи: «Коллективное сочинение как форма *учёта*» [3]; «Драматизация как форма *учёта*» [Цит. по: 36. 1927. № 5]; вводятся технические приемы: «*Схемы и графики* в преподавании литературы» [Цит. по: 36. 1925. № 7]; К вопросу о *графиках* при изучении художественных произведений (социологическая схема содержания «Мужики» Чехова [1925/7]. [Курсив мой – Л. П.]

Объектом «формовки» являются не только навыки, но и само сознание учащихся, и в ряде работ появляется страшноватенький термин психотехника. «...Необходимо признать, что применение его [дальтонского лабораторного плана – Л. П.] у нас в СССР особенно желательно, потому что никому так не нужна быстрота обучения и систематизация (психотехника) усилий (образовательных), как нашей молодёжи, учащимся наших школ» [3, с. 70–71].

Тем не менее будет справедливо сказать, что положение дел в школьном образовании в 20-е гг. не было таким уж мрачным. Во-первых, пока еще раздавались трезвые голоса, оценивавшие ситуацию по её существу, со строго научных позиций. Так, Е. Д. Поливанов писал о «новом учении» Н. Я. Марра: «...Далеко не всякая теория, именуемая себя социологической, может представить интерес для марксистской разработки языкознания. Совершенно недостаточно для этого антагонизма с работой предшествующих поколений. Работа над созданием марксистского языкознания должна выражаться не в виде похоронного шествия над гробом естественно-исторической лингвистики, а в построении новых лингвистических дисциплин на том фундаменте бесспорных фактов и положений, которые даны лингвистикой как естественно-исторической дисциплиной. Бессмысленно, например, отрицать конкретную картину звуковой и всякой другой эволюции, добытую компаративным языкознанием, ибо она, как и сам компаративный метод, достаточно уже проверена эмпирически; нужно не браковать, а пополнять те стороны картины, где остался пробел, – именно дать этим фактам социологическое обоснование» [27, с. 62].

С таким же профессиональным достоинством высказался о книге профессора Скафтымова «*Поэтика и генезис былин. Очерки*» С. И. Дмитриев: «...Конечно, для того чтобы создались былины, нужно было, чтобы крестьяне пахали и сеяли, а купцы торговали, а дружина воевала – но всё это общие условия, безуслов-

ные, но мало говорящие о содержании былины. Поэтому, сколько бы логических тонкостей ни прилагалось к расшифровке былин, нельзя пойти дальше того, что былинный Владимир есть исторический Владимир, но, может быть, и не он, а былинный Муром есть географический Муром, но может быть, совсем и не он. Кажется, сейчас приходит время, когда генетическая точка зрения на былины отмирает и становится нужным изучать былину как поэтическое произведение. *Мысль о невозможности усмотреть историческую действительность сквозь былину* лежит в основе книги Скафтымова» [7, с. 199. Курсив мой – Л. П.].

О самодовлеющем характере литературы высказался и Северо-Кавказский съезд словесников 1927 года (в работе съезда участвовали Д. Н. Ушаков, С. И. Абакумов, Л. А. Булаховский, А. В. Миртов и др.): «Следует отказаться от взгляда на литературу как на иллюстративный материал для пояснения общественных вопросов». И: «В работе по литературе нужно исходить из самого произведения, причём теперь же следует повести борьбу с отрывочным хрестоматийным уродованием произведений» [33, с. 236]. С позиций здравого смысла выступали и другие учёные.

Во-вторых, и это может быть самое поучительное, – ряд авторов сумел наполнить идеологические формулы советской демагогии реальным, нужным для школы содержанием. Так, А. М. Пешковский на призыв разработать формы учёта в «школьном производстве» отозвался замечательной статьёй «Зачем нужен учёт орфографических ошибок», где дал строго научный анализ ненормативного письма, не потерявший своего значения до наших дней [25]; А. В. Миртов написал вдохновенную книгу «Сочинение в школе. Уроки коллективного творчества» [20], пособие «Уменьше говорить публично», выдержавшее к 1927 г. 5 изданий [21] – обе книги актуальны и сегодня. Многому можно сегодня научиться у методистов П. О. Афанасьева, Н. С. Рождественского, В. В. Голубкова, Н. М. Соколова и др., а многочисленные учебники 20-х гг. выходили хоть и с вынужденно идеологизированным языковым материалом, но с безупречной грамматической частью и составляют сегодня часть истории не только школьной учебной литературы, но и отечественной лингвистики. Научно ценного, созидательного, творческого, того, что можно назвать положительным, светлым началом, в журнале 20-х гг. было неизмеримо больше, чем отрицательного, идеологически-фальшивого и методологически порочного.

Список литературы

1. Аванесов Р. и Сидоров В. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Русский язык в советской школе. 1930. № 4, 110–118.
2. Бархин К. Рецензия на книгу: Соловьёв И. М. Литературное творчество и язык детей школьного возраста. М.–Л., 1927 // Родной язык в школе. 1927. № 6. С. 341–343.
3. Богоявленский Л. Интересные методические моменты в книге Эв. Дьюи «Дальтонский лабораторный план» // Родной язык в школе. 1924. № 5. С. 69–71.
4. Богоявленский В. Коллективное сочинение как форма учёта // Родной язык в школе. 1927. № 4. С. 201–213.
5. Габо В. Практика исправления учащимися собственных работ (Из коллективного опыта) // Русский язык в советской школе. 1931. № 1. С. 145–154.
6. Данилов В. Рецензия на книгу: Яковлев М. А. Лермонтов как драматург. Изд. т-ва Книга (б/м) // Родной язык в школе. 1926. № 9. С. 196–197.
7. Дмитриев С. Рецензия на книгу: Скафтымов, проф. Поэтика и генезис былин. Очерки. М.-Саратов, 1924 // Родной язык в школе. 1926. № 9. С. 199.
8. Каноныкин Н. Суд над судом (к вопросу о литературных судах) // Родной язык в школе. 1926. № 11–12. С. 120–124.
9. Кибардин Н. Об экспонатах старших групп по родному языку на отчётной выставке Московской школы. Из педагогической печати // Родной язык в школе. 1926. № 4. С. 173–175.
10. Конференция преподавателей русского языка и литературы (23–28 января 1928 г.). Прения по докладам Д. Н. Ушакова и В. И. Сахарова // Родной язык и литература в трудовой школе. 1928. №2. С. 137–147.
11. Крупская Н. К вопросу о программах // На путях к новой школе. Орган научно-педагогической секции Гос. ученого совета. М., 1922. № 2. С. 3–10.
12. Крылов Н. Реферат статьи из Методического сборника Тверского ГУБОНО. 1924. № 7. Из педагогической печати // Родной язык в школе. 1926. № 4. С. 178–179.
13. Куляпин А. И. Красная арифметика // Новый мир. 2011. № 11.
14. Лосев А. Памяти одного светлого скептика // Что с нами происходит? Записки современников. Вып. I. М., 1989. С. 182–192.
15. Рецензия на книгу: Назаренко Я. А. История русской литературы XIX века. Ленинград, 1925 // Родной язык в школе. 1926. № 9. С. 197–198.
16. Малая советская энциклопедия. Т. 5. М., 1930.
17. Малая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1930.
18. Малая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1930.
19. Миртов А. В. Исправление речи учащихся М., 1929. 80 с.
20. Миртов А. В. Сочинение в школе. Вып. 1. Уроки коллективного творчества. Харьков, 1923. Републикация Л. Б. Парубченко: Литература в школе. 1996. № 6. С. 84–95; 1997, № 4. С. 92–98.
21. Миртов А. В. Уменьше говорить публично. Теория, задачи, упражнения. Изд. 5. М.: «Долой неграмотность», 1927. 110 с.
22. Павлович А. Конспектирование прочитанного (примерный план урока) // Родной язык в школе. 1927. №4. С. 217–222.
23. Панов М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество // Русский язык. М., 1995. С. 8–40.
24. Парубченко Л. Б. Проблемы школьной грамматики в учебно-методической литературе 20-х гг. // Лингвистика и школа: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (3–5 ноября 1999 г.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 18–29.
25. Пешковский А. М. Зачем нужен учёт орфографических ошибок // Родной язык в школе. 1929. №4. С. 78–95.
26. Плотников И. П. Реферат статьи «Опыт применения Далтон-плана к изучению современной литературы». Из педагогической печати // Родной язык в школе. 1926. № 4. С. 186–187.
27. Поливанов Е. Круг современных проблем современной лингвистики // Русский язык в советской школе. 1929. № 1. С. 57– 62.
28. Поляк Лидия В. Тарсис Современные русские писатели / под ред. и с доп. Ин. Оксенова. Изд. писателей в Ленинграде, 1930 // Русский язык в советской школе. 1930. №1. С. 186–187.

29. Программа 1924 – Новые программы единой трудовой школы первой ступени. I, II, III и IV годы обучения. Гиз, 1924. 118 с.
30. Программа Наркомпроса и отдела Наробраза МСРД, 1918. Родной язык в трудовой школе. Примерный план занятий по трудам Народн. Комис. по просвещению и Отдела нар. образ. Московского С. Р. и К. Д. // Родной язык в школе, 1919, № 1. С. 51–78.
31. Роде Н. Ленинградское общество изучения преподавания языка и словесности // Родной язык в школе. 1927. №4. С. 240–254.
32. Романов А. П. «Лингвистические лишенцы» (к вопросу о междометии) // Русский язык в советской школе. 1931. № 2–3. С. 52–56.
33. Текучев А. Из отчёта о работах Северо-Кавказского съезда словесников // Родной язык в школе. 1927. №4. С. 236.
34. Фёдоров И. П. О постановке преподавания родного языка и литературы в московских школах ФЗУ, работающих по индивидуально-лабораторному методу. Из педагогической печати // Родной язык в школе. 1926. № 11–12. С. 284–286.
35. Чистяков В. О коллективных сочинениях в школе // Родной язык в школе. 1927. № 4. С. 193–194.
36. Родной язык в школе: журн. М., 1919–1927.

Spisok literatury

1. Avanesov R. i Sidorov V. Reforma orfografii v svjazi s problemoj pis'mennogo jazyka // Russkij jazyk v sovetskoj shkole. 1930. № 4, 110–118.
2. Barhin K. Recenzija na knigu: Solov'jov I. M. Literaturnoe tvorcestvo i jazyk detej shkol'nogo vozrasta. M.–L., 1927 // Rodnoj jazyk v shkole. 1927. № 6. S. 341–343.
3. Bogojavlenskij L. Interesnye metodicheskie momenty v knige Jev. D'jui «Dal'tonskij laboratornyj plan» // Rodnoj jazyk v shkole. 1924. № 5. S. 69–71.
4. Bogojavlenskij V. Kollektivnoe sochinenie kak forma uchjota // Rodnoj jazyk v shkole. 1927. № 4. S. 201–213.
5. Gabo V. Praktika ispravlenija uchawimisja sobstvennyh rabot (Iz kollektivnogo opyta) // Russkij jazyk v sovetskoj shkole. 1931. № 1. S. 145–154.
6. Danilov V. Recenzija na knigu: Jakovlev M. A. Lermontov kak dramaturg. Izd. t-va Kniga (b/m). // Rodnoj jazyk v shkole. 1926. № 9. S. 196–197.
7. Dmitriev S. Recenzija na knigu: Skaftymov, prof. Pojetika i genezis bylin. Oчерki. M.-Saratov, 1924 // Rodnoj jazyk v shkole. 1926. № 9. S. 199.
8. Kanonykin N. Sud nad sudom (k voprosu o literaturnyh sudah) // Rodnoj jazyk v shkole. 1926. № 11–12. S. 120–124.
9. Kibardin N. Ob jeksponatah starshih grupp po rodnomu jazyku na otchjotnoj vystavke Moskovskoj shkoly. Iz pedagogicheskoj pečati // Rodnoj jazyk v shkole. 1926. № 4. S. 173–175.
10. Konferencija prepodavatelej russkogo jazyka i literatury (23–28 janvarja 1928 g.). Prenija po dokladam D. N. Ushakova i V. I. Saharova // Rodnoj jazyk i literatura v trudovoj shkole. 1928. №2. S. 137–147.
11. Krupskaja N. K voprosu o programmah // Na putjah k novoj shkole. Organ nauchno-pedagogicheskoj sekcii Gos. učenogo sověta. M., 1922. № 2. S. 3–10.
12. Krylov N. Referat staťi iz Metodicheskogo sbornika Tverskogo GUBONO. 1924. № 7. – Iz pedagogicheskoj pečati // Rodnoj jazyk v shkole. 1926. № 4. S. 178–179.
13. Kuljapin A. I. Krasnaja arifmetika // Novyj mir. 2011. № 11.
14. Losev A. Pamjati odnogo svetlogo skeptika // Chto s nami proishodit? Zapiski sovremennikov. Vyp. I. M., 1989. S. 182–192.
15. Recenzija na knigu: Nazarenko Ja. A. Istorija russkoj literatury XIX veka. Lengiz, 1925 // Rodnoj jazyk v shkole. 1926. № 9. S. 197–198.
16. Malaja sovetskaja jenciklopedija. T. 5. M., 1930.
17. Malaja sovetskaja jenciklopedija. T. 6. M., 1930.
18. Malaja sovetskaja jenciklopedija. T. 8. M., 1930.
19. Mirtov A. V. Ispravlenie rechi uchawihsjaja M., 1929. 80 s.
20. Mirtov A. V. Sochinenie v shkole. Vyp. 1. Uroki kollektivnogo tvorcestva. Har'kov, 1923. Republikacija L. B. Parubchenko: Literatura v shkole. 1996. № 6. S. 84–95; 1997, № 4. S. 92–98.
21. Mirtov A. V. Umen'e govorit' publicjno. Teorija, zadachi, uprazhnenija. Izd. 5. M.: «Doloi negramotnost'», 1927. 110 s.

22. Pavlovich A. Konspektirovanie pročitannogo (primernyj plan uroka) // Rodnoj jazyk v shkole. 1927. №4. S. 217–222.
23. Panov M. V. Dmitrij Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorcestvo // Russkij jazyk. M., 1995. S. 8–40.
24. Parubchenko L. B. Problemy shkol'noj grammatiki v uchebno-metodicheskoj literature 20-h gg. // Lingvistika i shkola: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. (3–5 nojabrja 1999 g.). Barnaul: Izd-vo AltGU, 2001. S. 18–29.
25. Peshkovskij A. M. Zachem nuzhen uchjot orfograficheskikh oshibok // Rodnoj jazyk v shkole. 1929. №4. S. 78–95.
26. Plotnikov I. P. Referat stat'i «Opyt primenenija Dalton-plana k izucheniju sovremennoj literatury». – Iz pedagogicheskoj pečati // Rodnoj jazyk v shkole. 1926. № 4. S. 186–187.
27. Polivanov E. Krug sovremennyh problem sovremennoj lingvistiki // Russkij jazyk v sovetskoj shkole. 1929. № 1. S. 57– 62.
28. Poljak Lidija V. Tarsis Sovremennye russkie pisateli / pod red. i s dopolnenijami In.Oksenova. Izd. pisatelej v Leningrade, 1930 // Russkij jazyk v sovetskoj shkole. 1930. №1. S. 186–187.
29. Programma 1924 – Novye programmy edinoj trudovoj shkoly pervoj stupeni. I, II, III i IV gody obuchenija. Giz, 1924. 118 s.
30. Programma Narkomprosa i otdela Narobrazza MSRD, 1918. Rodnoj jazyk v trudovoj shkole. Primernyj plan zanjatij po trudam Narodn. Komis. po prosveweniju i Otdela nar. obraz. Moskovskogo S. R. i K. D. // Rodnoj jazyk v shkole, 1919, № 1. S. 51–78.
31. Rode N. Leningradskoe obwestvo izuchenija prepodavanija jazyka i slovesnosti // Rodnoj jazyk v shkole. 1927. №4. S. 240–254.
32. Romanov A. P. «Lingvisticheskie lishency» (k voprosu o mezhdometii) // Russkij jazyk v sovetskoj shkole. 1931. № 2–3. S. 52–56.
33. Tekuchjov A. Iz otchjota o rabotah Severo-Kavkazskogo s#ezda slovesnikov // Rodnoj jazyk v shkole. 1927. №4. S. 236.
34. Fjodorov I. P. O postanovke prepodavanija rodnogo jazyka i literatury v moskovskih shkolah FZU, rabotajuwih po individual'no-laboratornomu metodu. Iz pedagogicheskoj pečati // Rodnoj jazyk v shkole. 1926. № 11–12. S. 284–286.
35. Chistjakov V. O kollektivnyh sochinenijah v shkole // Rodnoj jazyk v shkole. 1927. № 4. S. 193–194.
36. Rodnoj jazyk v shkole: zhurn. M., 1919–1927.

Статья поступила в редакцию 17.04.2012 г.